Вера Сердечная

Человек сильнее мыши, или Страшная сказка о девяностых

Семь лет назад Андрей Могучий выпустил в Театре Наций антиутопию *«Circo Ambulante»* с Лией Ахеджаковой и Альбертом Филозовым – визуально богатую историю об экзотическом и страшном острове, наполненную отсылками к нашей действительности. В 2019-м он вновь здесь, и в новом спектакле «Сказка про последнего ангела» опять занята Ахеджакова. Режиссер исследует пространство новейшей российской истории. Корни современности растут из девяностых: того времени, когда советский порядок разрушился, но не до конца, а новый порядок укрепиться не успел, и из разломов истории вылез хаос.

Л. Ахеджакова – соседка Оксаны. «Сказка о последнем ангеле». Театр Наций. Фото И. Полярной

Девяностые – будто тридевятое царство русского фольклора (вспомнить хоть «Брата» Балабанова, где герой поступает по нормам архаичного мифа: убивает всех врагов). Могучий создает сказку об этом времени на основании разных литературных источников, собранных воедино Светланой Щагиной. Основная сюжетная нить (а также главные герои и любовная линия) взяты из рассказа Романа Михайлова «Героин приносили по пятницам». В финале спектакля звучит короткая и мрачная «Сказка о последнем ангеле» Алексея Саморядова. А во введении – кусочек из романа Саши Соколова «Между собакой и волком» и пересказ «Курочки Рябы»: «В чем, я спрашиваю, бывальщины соль? В том, что мышь человека сильней?».

Действие открывается под перебор задумчивой гитары Федора Журавлева. Сидит в углу сцены казачок в папахе, с винтовкой на коленях (всмотревшись, узнаешь в нем Лию Ахеджакову). За спиной его сменяются картины – выезжает по дымной речке лодка, а в ней – красавица, чистая Царевна-Лебедь (Муся Тотибадзе), правит лодкой человечек ростом ей по пояс, по сцене рассыпаются и ложатся поземкой блестки снега. Черный жесткий занавес опускается, как створка объектива. Следующий кадр: среди березок натянут мятый экран, на нем – темнолицые мужички в телогрейках и ушанках, а за их спиной кто-то, одетый как князь Гвидон, – сначала смотрят футбол, а потом хронику октября 1993 г. Важно отметить, что в течение всего спектакля на сцене висит календарь, и герои отрывают листы: от 11 марта до 3 октября.

М. Тотибадзе – Оксана. «Сказка о последнем ангеле». Театр Наций.
Фото И. Полярной

Темнолицые люди (программка подсказывает, не объясняя: «грибы, лесные жители») присутствуют весь спектакль грозным напоминанием… О чем? Может быть, как угольно-черные дровосеки в третьем сезоне «Твин Пикса», – о неправильном устроении бытия. Тем более, что в прологе один из черных мужичков, выйдя на авансцену, пытается что-то поведать аудитории, но речь его звучит так же неестественно, как в Черном вигваме у Линча, где персонажи произносят реплики задом наперед.

Казачок начинает сказку. Приходит на сцену актер в костюме курицы; выкатывается огромное яйцо. И нарождается из него советский школьник, словно из фильма про гостью из будущего.

Андрей Могучий извлекает из рассказа Михайлова сказочную праформу. Сказка часто начинается с отлучки старшего лица. У главного героя Андрея умирает тетя. Прямо по Проппу: «Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу». У юноши отбирают квартиру. 25-летний парень скитается и попадает в психбольницу под Минском.

Андреев в спектакле – двое. Близнецы Данила и Павел Рассомахины играют героя и рассказчика, меняясь местами. Они работают удивительно подробно и естественно на общем гротескном фоне: два молодца, одинаковых с лица, в красных мастерках или пиджаках с чужого плеча, воплощают образ Ивана-дурака и в его простоте, и в его наивности, и в его героической силе. Художественным законом спектакля

Д. Рассомахин, П. Рассомахин – Андрей. «Сказка о последнем ангеле». Театр Наций. Фото И. Полярной

становится предельно естественное существование протагонистов в окружающем невероятном мире: такое же, наверное, было у нас самих в девяностые.

Трагически звучит голос старика, который ходит под себя, но все зовет свою ушедшую возлюбленную; тоскливо смотрит в небо скрюченный судорогой больной; все они названы в программке «люди тайн». А вот озабоченная топотунья в грязноватом халате и шапке-ушанке, врач (блестящая работа Анны Галиновой), соединяет в себе суровость советской больницы, сердитую заботу («Жуем до образования хорошего пищевого комка!») и почти сверхчеловеческую силу: наркоманом–Черным она управляет, как марионеткой.

В психбольнице у Андрея появляются новые друзья: Игнат и Леусь. Трогательного полноватого заику Игната (на которого в его галлюцинациях настойчиво смотрит со стены портрет старухи) замечательно играет Павел Комаров. Игнат – настоящий помощник из сказки – бежит с главным героем из лечебницы, предупреждает об опасностях и всегда готов выручить. В нем сосредоточена сила всечеловеческой любви. «Он… Он ангел!».

Не менее важна роль Леуся: он немного заговаривается и считает себя священнослужителем. Высокий, статный Глеб Пускепалис, одетый в спортивные штаны и панамку, балансирует между комическим и возвышенным, постепенно переводя фокус с первого на второе.

«Сказка о последнем ангеле». Театр Наций. Сцена из спектакля. Фото И. Полярной

Из всей троицы он наиболее адаптированный: у него даже есть деньги, чтобы спонсировать их безумное путешествие. Но главное – именно он настойчиво внушает Андрею, что тому необходимо найти свою любовь.

Важнейшей целью героя сказки является женитьба на чудесной царевне. Это указывает на взросление героя, на прохождение им обряда инициации. Царевна в спектакле – бывшая одноклассница Андрея, Оксана. Все эти годы он видит сны, где она превращается в прекрасную Царевну-Лебедь и плавно движется между березок.

Важнейший персонаж сказки – антагонист, враг. В рассказе Черный – просто наркоман; в спектакле он приобретает мистические черты. Мышка из сказки про Рябу приобретает иностранный акцент. Высокий, пластичный актер Антон Ескин носит маску Микки-Мауса (до поры до времени на затылке) и говорит «детским» голосом из мультфильма, что в сочетании с голубыми «слепыми» линзами, шипастым ошейником, татуированным телом и диковинными прыжками по сцене выглядит жутко. Еще один пластический атрибут Черного – наклон из положения стоя по диагонали вперед, как это делал Майкл Джексон в клипе *Smooth Criminal*. Когда это движение повторяют другие пациенты больницы, становится очевидно: мир наркомании в спектакле раскрашен красками Америки, в девяностые открывшей перед Россией свой дивный новый мир.

А. Ескин – Черный, А. Галинова – врач. «Сказка о последнем ангеле». Театр Наций. Фото И. Полярной

Художник Мария Трегубова обставляет сказку-ложь узнаваемыми предметами пост-и советского быта: вот ковры, вот старый диван и пучеглазый телевизор, вот черная стена, на которой удобно писать мелом, а вот и порушенный гипсовый Ленин. Сценография в спектакле изобретательна и меняется крайне быстро; в особенности, если на сцене воплощается троичный принцип русской сказки. Действие происходит на авансцене, затем поднимается первый занавес – оно повторяется за ним; поднимается следующий занавес – сцена повторяется в третий раз. При такой подаче сказочный прием выглядит чистым сюрреализмом, зазеркальем.

Однако для наркоманской палаты понадобилась вся глубина сцены: здесь сгружены кровати с реющими над ними черными шариками, тут слоняется «кукла Черного» с покосившимся бантом (Виктория Мирошниченко). На заднике подвешены наркоманы: оборванные, пугающе-бледные существа, которые оживают только после дозы, которую выдают по пятницам. Получение наркотиков – по-настоящему страшная сцена исступленного танца, подсвеченная стробоскопом, в которой Черный надевает маску Микки-Мауса на лицо: зловещий оскал искушения.

Остановить наркоторговца – первое испытание трех друзей, с которым они благополучно справляются. Ритуальное сжигание героина в баке с самодеятельной молитвой-отчетом Богу о добром деле – сцена

«Сказка о последнем ангеле». Театр Наций. Сцена из спектакля. Фото И. Полярной

и смешная, и проникновенная: «Чудо свершилось, и любовь победила зло». Однако главная битва еще впереди. В сказках герой должен отбить свою царевну у злодея, здесь же Оксана и Черный не встречаются, но ясно: если Андрею удастся побороть неправильное, сломанное устроение бытия, то Оксана найдется и наступит счастье. Недаром с самого начала Леусь твердит, что Бог просто немножко не справляется со своими задачами, и они должны Ему помочь.

Поиск царевны идет своим чередом, герои добираются до бабушки (та рассказывает, что Оксана успела выйти замуж, родить ребенка и развестись), а затем и до Москвы. Приключения героев даны в жанре бытового анекдота, что позволяет сохранить баланс между смешным, трогательным и страшным. Но в Москве герои вновь вступают в пространство мистическое. Ахеджакова появляется в образе московской старушки, соседки Оксаны и, кажется, Бабы-Яги. Баба-Яга, повелительница мертвых и зверей, здесь только выглядит чудищем, а на самом деле помогает. Она наставляет Андрея странным заговором: «Чистые мысли. Живые звери, влага и холод… Катись, яйцо, на твое лицо…».

В ночь на 3 октября 1993 г. Андрей приходит в ресторан, который оказывается обителью зла. Сюда стекаются все странные и страшные персонажи спектакля: милиционеры и наркоманы, медведи и темнолицые. Дилер и кукла ломано танцуют в дыму – дискотека зомби. А к задней стенке подвешена девочка в пионерской форме: она поет

ангельским голосом. Раздаются выстрелы, падают почти все. Становится ясно, что вся страна провалилась в наркотический бред, в страшный сон; но прилетевшие гуси-лебеди помогают героям выбраться из передряги.

Они попадают в милицейский участок. Казалось бы, обычные сказочно-бытовые препятствия: вот сейчас чернолицые менты-лешие троицу обыщут, задержат, а они выкрутятся… Однако действие оборачивается самым неожиданным образом, и появившийся сантехник оказывается не кем иным, как Черным. Уже без маски Микки-Мауса, без татуировок, он показывается почти голым, в телесных стрингах – как квази-Кощей. Андрей побеждает, ведь он – правильный сказочный герой, и у него есть магический артефакт для последнего боя. Не булатный меч, а рукавица дяди Леуся, которую друзья таскали за собой в тумбочке-алтаре всю дорогу: бытовой предмет оказывается волшебным. Но как только Андрей побеждает Черного, он гибнет от милицейской пули: «Так я умер, точнее, погиб».

Девяностые – сказка неправильная. Гибель главного злодея ничего не меняет. Герой уничтожает чудовище, но его самого убивает государство. Из сказочного счастливого дурачка Андрей превращается в трагического героя.

В предсмертной фантазии он находит неказистую, как выясняется, Оксану, и открывается портал в их школьное прошлое, где рыжая девочка косо пишет на доске: «Третье октября. Кем я стану через 10 лет». И все становится хорошо. Если, конечно, не думать, отчего несколько раз повторено: в ночной перестрелке погибла официантка.

В спектакле четыре акта. Первый антракт длится всего три минуты; а во время последнего на сцене остается один актер, который говорит принципиально важные вещи, и публика не может определиться, идти ей в буфет или продолжать слушать. Единственный в спектакле настоящий антракт начинается с жутковатого клипа. Песня «Белые розы», хит 90-х, наложена на кадры из роддома, дорисованные анимационной черной жутью – так проказливые школьники раскрашивают учебники.

Некто шаловливый и злобный разрисовал нашу реальность так, что новорожденные белые розы оказались полностью беззащитны перед будущим.

Жутко звучит рассказанная Лией Ахеджаковой в эпилоге притча о последнем ангеле, где разозлившийся обездоленный мужик убивает ангела: «Мы другого Бога сыщем». По сей день ищем.